
Емельян Рагимов
Черешня на краю моста
18+

Емельян Рагимов

Черешня на краю моста

«Автор»
2026

Рагимов Е.

Черешня на краю моста / Е. Рагимов — «Автор», 2026

«Черешня на краю моста» — пронзительная военная драма о трагедии раскола и силе человеческого милосердия на фоне Приднестровского конфликта летом 1992 года.

© Рагимов Е., 2026
© Автор, 2026

Черешня на краю моста

Глава I. Теплый бетон

Июнь девяносто второго года в Приднестровье пах не порохом. Порох пахнет резко, кисло, но быстро выветривается, стоит подуть степному ветру со стороны лиманов. В Бендерах пахло перезрелой белой черешней, разбитым шифером и нагретым за день асфальтом.

Сергей Крутов сидел на перевернутом ящике из-под гранат за низким бетонным парапетом набережной, прислонившись спиной к стволу старого каштана. Отсюда, с правого берега Днестра, старый мост просматривался почти весь — серый, выгнутый дугой хребет, связывающий город с левым берегом, с Парканами и Тирасполем. На той стороне, метрах в четырехстах, в густой зелени прятались позиции гвардейцев и четырнадцатой армии. Здесь, на правом берегу, держались свои — те, кто не успел отойти или остался прикрывать коридор.

Крутов неторопливо чистил шомполом затвор автомата. Руки у него были большие, узловатые, с въевшейся в трещины кожи угольной пылью — до весны он работал механиком в автоколонне под Ростовом. На нем была выгоревшая до белесости «афганка», поверх нее — старый, потертый на сгибах казачий бешмет без погон, а на затылке сдвинута черная кубанка с выцветшим красным верхом.

Рядом, вытянув длинные ноги в стоптанных кирзачах, дремал Ленька Скворцов, двадцатилетний парень из-под Новочеркасска. На его коленях лежал старый бинокль с треснувшей линзой, примотанной синей изолентой.

— Дядь Сереж, — не открывая глаз, глухо сказал Ленька. — А правда, что в Тирасполе сейчас трамваи ходят?

— Троллейбусы там, Ленька. Трамваев отродясь не было, — ответил Крутов, щурясь на солнце, которое медленно садилось за крыши пятиэтажек на улице Суворова. — Ходят, куда им деваться. Там тихо. Только канонаду слышно, как гром за рекой.

— Странно это, — Ленька зевнул, потянулся, и его ребра жалобно хрустнули под тощей майкой. — Тут вот, через мост переехать — десять минут на «Урале». Там люди мороженое едят, бабы в сарафанах ходят. А здесь кирпич крошится. Словно стена стеклянная стоит.

— На любой войне так, — Крутов щелкнул крышкой ствольной коробки, проверяя ход затвора. — В сорок первом под Москвой тоже: на трамвае до конечной доедешь, а через два километра уже немецкие танки в бинокль видно. Война — она не по всей земле сразу разливается. Она как оспа: где-то чисто, а где-то до кости выедает.

Из-за угла полуразрушенного двухэтажного особняка, где до войны располагалась какая-то контора, вышел Степан Ильич — старшина их небольшой сводной сотни, пришедшей с Дона еще в марте, когда первые стычки у Дубоссар только перерастали в большую беду. Степану Ильичу было под пятьдесят, седые усы он стриг коротко, по-уставному, и носил на ремне тяжелую офицерскую кобуру от ТТ.

— Тихо пока? — спросил он, присаживаясь на корточки рядом с парапетом и доставая пачку мятых «Примы».

— С обеда молчат, Ильич, — Крутов кивнул в сторону центра города, откуда тянуло горьким дымком тлеющего толя. — Только со стороны крепости часа полтора назад пулемет простучал, коротко так, и заглох. Снайперы ихние на крыше консервного завода сидят, голову поднять не дают. Вон, Ленька сунулся было к воде флягу набрать — сразу две пули в парапет втюхали.

Степан Ильич закурил, выпустил сизую струю дыма в неподвижный воздух.

— Плохо, что молчат. ОПОН подтягивают со стороны Каушан, разведка доложила. И минометы у них на высотках пристреляны. Нам приказ: до темноты мост держать во что бы

то ни стало. Ночью с левого берега колонна пойдет — боекомплект, медикаменты, и раненых надо забрать из подвала поликлиники. Там их человек сорок накопилось, тяжёлых много.

— Вывезем? — спросил Ленька, сразу проснувшись и подобрав ноги.

— Должны, — коротко отрезал старшина. — Если к полуночи пролет не перекроют. А ты, Скворец, не дергайся. Твое дело — левый фланг, вон те кусты у лодочной станции. Там берег пологий, могут попробовать на резинках переправиться, чтобы в тыл нам зайти.

Крутов посмотрел на реку. Вода в Днестре была мутной, зеленовато-бурой, но в закатных лучах она казалась густой и тяжелой, как расплавленная бронза. На противоположном берегу, у самого уреза воды, белели стволы старых ив. Оттуда доносился мирный, совершенно нездешний звук — кто-то завел старый трактор, тот чихнул пару раз, затарахтел ровно и стих.

— Зачем мы здесь, дядь Сереж? — вдруг тихо спросил Ленька, глядя на эту мирную полоску левого берега. — Нет, я понимаю — люди русские, язык наш, земля... А вот так, по-честному. В Ростове сейчас у всех дела: кто кооператив открывает, кто машины из Германии гоняет, деньги делают. А мы в чужих окопах сидим за спасибо.

Степан Ильич хмыкнул, но промолчал, переводя взгляд на Крутова.

Крутов достал из кармана бешмета горсть крупной, почти прозрачной белой черешни, сорванной утром в брошенном дворе на соседней улице. Протянул Леньке.

— Ешь, философ. Витамин. А насчет «зачем»... Ты деда своего помнишь? Того, что под Сталинградом ногу оставил?

— Ну, помню.

— Вот и я своего помню. Он мне рассказывал: когда в сорок четвертом они эти места освобождали, тут в каждом селе их как родных встречали. И деды этих людей, что сейчас в подвалах сидят, рядом с нашими в одних цепях на пулеметы шли. Страну одну строили, кровью одной сшивали. А теперь какие-то умники в кабинетах карандашом по карте черту провели — и говорят: всё, вы теперь чужие, друг друга не знаете. Так не бывает, Ленька. Если ты брата в беде бросишь только потому, что вам паспорта разного цвета выдали — грош тебе цена. И мне цена грош.

Он сунул в рот ягоду, аккуратно выплюнул косточку за парапет.

— Ладно, хватит лирики, — Степан Ильич поднялся, отряхнул колени. — Солнце село. Сейчас сумерки упадут — самые гадкие полчаса, когда прицел плывет, а темноты еще нет. Проверьте магазины, гранаты под руку положите. Если начнут — бить будут жестко.

Через двадцать минут, когда небо над Бендерами стало густо-фиолетовым и зажглись первые редкие звезды, со стороны города глухо, словно кто-то уронил тяжелый мешок с зерном, ударил первый миномет. Спустя три секунды снаряд разорвался в ста метрах левее моста, подняв в воздух черный столб земли и обломков досок.

Почти сразу заговорили пулеметы с крыш многоэтажек. Трассеры — зеленые и красные — потянулись над самой водой, высекая из бетонного парапета мелкую каменную крошку.

Крутов прижался щекой к холодному прикладу, поймал в прорезь прицела вспышку в окне третьего этажа углового дома и нажал на спуск. Короткая очередь — три патрона. Вспышка погасла.

Начиналась длинная июньская ночь.

Глава II. По ту сторону бетона

В двухстах метрах от набережной, за проломом в кирпичной стене старого винзавода, в густой тени акаций лежали люди в пятнистом камуфляже и темных беретах.

Майор Виктор Ротарь, командир сводной роты кишиневского ОПОНа, привалился плечом к холодной каменной кладке и прислушивался к перестрелке у моста. Рядом с ним, уткнувшись лицом в сгиб локтя, тяжело дышал совсем молодой боец — Ион Гуцу, призванный из-под Оргеева всего три месяца назад. На шее у парня висел тонкий серебряный крестик, а на каске криво сидела белая повязка.

— Не высовывайся, Ион, — глухо сказал Ротарь по-молдавски, тронув парня за плечо. — У них там пулеметчик у самого въезда на мост пристрелялся. Видишь, как по кирпичу режет? Не торопись.

— *Domnule* майор, — Ион поднял голову, глаза его в темноте блестели от напряжения и пыли. — А кто там сидит? Говорят, казаки с Дона приехали. Зачем они сюда пришли? Это же наша земля, Молдова. Мы же никого не трогали, мы просто хотим свой флаг, свой язык...

Ротарь горько усмехнулся, достал флягу, сделал глоток теплой воды и протянул парню.

— Пей, сынок. Свой флаг — это хорошо. Только когда политикам в Кишиневе и в Тирасполе не хватает ума договориться за столом, они дают нам автоматы и говорят: «Идите, защищайте родину». А родина — она вот, под ногами. Вся в битом стекле. Я в восемьдесят шестом в Чернобыле с парнями из Ростова и Тирасполя в одной палатке спал, из одного котелка ел. А сегодня мы друг в друга через прицел смотрим. Вот и вся правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.